

Великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви, воплощенный в себе все богатство художественной мысли нашего народа, открыл совершенно новый этап не только в истории литературы и философской мысли Азербайджана, но и всего Ближнего и Среднего Востока.

Идеи интернационализма, глобальные вопросы, воплощенные в поэзии Низами, — протест против насилия,

В своем творчестве поэт с большой любовью и теплотой повествует об обычаях и традициях, истории и культуре многих народов мира. Среди его героев можно встретить индуса и русского, араба и китайца, армянина и грузина и многих других — для него не имеют значения ни религиозные, ни языковые факторы. Он прежде всего в человеке ценит его высокие человеческие качества.

Эфиоп черный,
как железо,
У него черна нога,
но чиста душа,

— так выражает свое гуманистическое общечеловеческое кредо великий азербайджанский поэт XII века. Особенный интерес представляет с этой точки зрения его поэма «Семь красавиц». Каждая красавица передает рассказ о своем народе, о своих обычаях и традициях. И каждый рассказ пронизывает глубокое уважение, любовь поэта к их народу. С точки зрения Низами, каждый народ имеет свою прелесть, свою неповторимую красоту, каждый по-своему хорош. Каждый из них входит в общечеловеческую культуру своим «миром и цветом», и все они одинаково милы сердцу поэта.

Низами с большой теплотой относился к грузинскому народу. Как известно, в XII веке между Азербайджаном и Грузией существовал политический союз против сельджукского господства. Этот союз был подкреплен и династическим браком ширванских и грузинских правителей (пирванский наследник Манучехр женился на дочери грузинского царя Давида IV).

В произведениях поэта мы часто встречаем упоминание о Грузии. Еще в первой поэме «Сокровищница тайн» поэт в рассказе «О старухе и Султане Санджаре» упоминает Абхазию. Старуха, которая хвата-

ет Султан Санджара (сельджукского правителя) за подол платья и бросает ему в лицо обвинение в насилиях над народом, требует положить конец несправедливости и беззаконию.

В поэме «Хосров и Ширин» он рисует Абхазию, как благодатный край, где осенью проводит время правительница Мехинбану. В «Искендернаме» же

эксплуатации и угнетения человека, воспевание благородных чувств человеческой души, его голос в защиту свободы, равенства и справедливости, в защиту честного труда, свободной любви — все это принесло мировую славу поэту. Эти общечеловеческие идеи и делают Низами по-настоящему современным художником, приближают его к нам.

и Чахрухадзе к творчеству Низами.

Великий грузинский поэт Ш. Руставели в своей бессмертной поэме «Витязь в тигровой шкуре», чтобы подчеркнуть силу любовных страданий, переживаемых его героем — Тарнелем, вспоминает героев поэмы «Лейли и Меджнун» Низами: Кадиса (Меджнун) и Саламана — (ибн Салама),

называет имена героев поэмы «Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин» Низами. Любовь женихов, ищущих руки царицы, он сравнивает с любовью Хосрова к Ширин, Меджнуна к Лейли. «Он любит Тамар, как Вамиг Азру, Вис Рамина, Меджнун Лейли, Хосров Ширин, Юсиф Зулейху». Как видно из цитаты, автор приводит имена героев, известных ему из классической литературы, таких, как «Вис и Рамин» (Фахраддина Горгани), «Юсиф и Зулейха» (Фирдоуси).

В XII веке, кроме поэмы Низами «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», на эту тему не было создано литературных произведений. Не-

его художественному методу в целом. К первым относятся поэмы «Лейли и Меджнун» и «Лейли и Меджнун», Теймураза I, «Семь планет» или «Бахрамгуриани» Н. Цицишвили, «Хосровшириниани» (две версии анонимных авторов), «Фахраддиниани», ко вторым — «Варабулбулиани», «Шампарвариани», «Барамгуриани» и другие.

Влияние творчества Низами на грузинскую литературу не ограничивается этими произведениями. Отголоски знакомства с творчеством Низами находим мы и в произведениях «Мудрость вымысла» Сулхана Саба Орбелиани — грузинского поэта XVIII века. В частности, две притчи «Индийский царь и цирюльник» и «Несправедливый ширваншах» из этого произведения С. С. Орбелиани полностью совпадают с рассказами (беседами) «Нуширван и беседа двух сов» и «Дастан о Харунаррашиде и цирюльнике» из «Сокровищницы тайн» Низами. Невольную ассоциацию с одной из новелл «Семь красавиц» Низами — новеллы дочери царя седьмого пояса о преимущество белого цвета, вызывает и сюжет одной из поэмы выдающегося поэта XVIII века Давида Гурамишвили «Веселая весна» из сборника «Давитиани».

Гений Низами, создавший поэтическую школу, породивший после себя многочисленных талантливых последователей, оказал глубокое влияние и на грузинскую литературу. Грузинский народ, обладавший многовековой культурой, богатством поэтических дарований, не мог оставаться равнодушным к гению Низами и на протяжении всей своей истории обращался постоянно к его творениям, черпал из его многослойного поэтического наследия темы, идеи, образы, формы и т. д. Все это воспринимается нами сегодня, как яркое проявление тесных связей азербайджанской и грузинской литератур.

Дилара АЛИЕВА,
кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры Грузинской ССР.

СТАРШИЙ СОВРЕМЕННИК РУСТАВЕЛИ

Низами говорит не только об Абхазии, но и о Тифлисе, называет Тифлис и Грузию «прекрасной, словно рай, богатой и роскошной страной, утопающей в цветах, словно радостный сад».

Низами не ограничился только описанием прекрасной природы Грузии, он создал образ бесстрашного воина грузина Дували, полководца абхазской земли.

Есть в Абхазии курд
(т. е. «горд» — богатырь),
Многомощный Рустам
не имел бы с ним
сладка...

И Дувал, полководец,
абхазской земли...

И Искендер благо-
склонен к Дували, так
как «узрел в нем до-
стойного мужа, и ему он
открыл дорогу ко двору
своему».

Низами подробно описывает дружественные взаимоотношения грузинского полководца с азербайджанской правительницей Нушабе. А затем сам Искендер соединяет их брачными узами.

Творчество Низами еще при жизни поэта пользовалось большой популярностью в Грузии. Ярким примером тому является обращение грузинских поэтов XII века Ш. Руставели

одинаково томившихся любовью к красавице Лейли.

Подтверждение знакомства с произведениями Низами находим и в одах «Тамариани» Чахрухадзе, где поэт ссылается на персонажи поэмы «Лейли и Меджнун».

И плачет Каин тот,
библейский,
подобно этому Кайсу,
Тот за виновность
в братоубийстве,
А этот из-за того,
что сделал себя,
Подобно вьючному
животному,
Меджуном Лейли.

Блестящий мастер художественного слова Низами завоевал такое широкое признание в Грузии, что имена героев его произведений встречаются не только в художественных произведениях грузинских авторов, но и в грузинских исторических трудах XII — XIII веков.

Историк грузинского царя Давида Строителя в своей истории сравнивает мужество Давида с богатырской мощью Бахрама, историк же царицы Тамар в своем труде «История и восхваление венценосцев»

обходимо принять во внимание авторитетное высказывание академика А. Барамидзе о том, что «непосредственное знакомство с творчеством Низами находит свое отражение почти во всех дошедших до нас памятниках грузинской литературы XII — XIII веков».

Интерес к творчеству Низами в Грузии прослеживается и в последующих веках. Если до XVI века в грузинской литературе встречаются лишь отдельные образы и отголоски знакомства с творчеством Низами, то в XVI — XVIII веках мы видим более глубинное и органическое восприятие тем, образов и идей великого азербайджанского поэта.

Именно в этот период в грузинской литературе появляются произведения на темы поэмы Низами. Как и в восточной поэзии, здесь влияние Низами многообразно: одни авторы берут темы и сюжеты Низами и создают на их основе одноименные произведения, прямо переключаясь с его творчеством. Другие творчески воспринимают традиции Низами, подражая лишь